

Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств

Автор:

[Джон Олшейкер](#)

Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств

Джон Дуглас

Марк Олшейкер

Настоящие преступники

Эту книгу, выдержавшую множество переизданий и породившую целый жанр в криминальных фильмах и телесериалах, начиная со знаменитого «Молчания ягнят», можно было бы назвать классической – если не бы не легкий язык и непобедимое чувство юмора ее создателей. Первый в мире профессиональный профайлер, спецгент ФБР Джон Дуглас вместе со своим постоянным соавтором, журналистом Марком Олшейкером, мастерски чередуя забавные байки из собственной жизни и жуткие подробности серийных убийств, рассказывает историю становления поведенческого анализа и его применения к поиску нелюдей в человеческом обличье. Новое издание дополнено обширным предисловием авторов, написанным спустя двадцать лет после первой публикации «Охотника за разумом».

Джон Дуглас, Марк Олшейкер

Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств

John Douglas

Mark Olshaker

Mindhunter Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit

© 1995 by Mindhunters, Inc.

Introduction copyright © 2017 by Mindhunters, Inc.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

* * *

Посвящается бывшим и нынешним сотрудникам и сотрудницам отделов поведенческого анализа и следственного сопровождения ФБР в Куантико, Вирджиния, – нашим друзьям и соратникам

Зло скрой хоть в преисподней,

Но выползет оно на суд людской...

Уильям Шекспир. Гамлет[1 - Перевод П. Гнедича. – Здесь и далее примеч. пер.]

Предисловие к новому изданию. Двадцать лет спустя

Минуло уже более двух десятков лет с тех пор, как вышла в свет наша первая совместная книга «Охотник за разумом: Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств». За это время многое изменилось, хотя многое осталось прежним.

Не стало наших близких друзей и коллег, упомянутых на страницах этой книги: Роберта Ресслера – главного «подельника» Джона в изучении психологии серийных убийц и составлении профайлов[2 - Профайл – психологический портрет преступника.]; Роя Хейзелвуда – эксперта ФБР по преступлениям сексуального характера и одного из величайших умов Куантико; Кена Бейкера – ветерана Секретной службы, который работал с Джоном в отделе следственного сопровождения (ОСС) и внес неоценимый вклад в исследование психологии серийных убийц. Не стало и наших наставников. Теперь мы сами превратились в старшее поколение.

Кстати говоря, нам на смену уже подросла новая генерация профайлеров ФБР. Им больше не приходится спускаться (читай: закапываться) в офис на глубину в двадцать метров под землей (в десять раз глубже покойников, как мы шутим между собой). Штаб теперь расположен в правительственном здании на Первой федеральной автомагистрали, прямо напротив базы морской пехоты в Куантико, а профайлеров величают специалистами отдела поведенческого анализа (ОПА).

Как и медицинская практика, профайлинг лежит между наукой и искусством. И точно так же, как и в медицинских кругах, некоторые специалисты оказываются опытнее и проницательнее других. После первой публикации «Охотника за разумом» на телевидении и в интернете расплодилось множество проходимцев, которые называют себя профессиональными профайлерами, хотя у большинства из них нет ни теоретических навыков, ни соответствующего практического опыта. Чаще всего они приносят больше вреда, чем пользы. Мы столкнулись с несколькими реальными случаями, когда профайлеры, зацикленные на сугубо академическом подходе, неправильно интерпретировали полученные улики и в итоге вели расследование по ложному следу или выстраивали неудачную тактику обвинения на суде. Необходимо помнить, что талантливый и опытный профайлер во взаимодействии с местными правоохранительными органами показывает более высокий результат, тратит меньше времени на поиск настоящего преступника и куда грамотнее выстраивает стратегию допросов.

Некоторые из преступников, о которых говорится в книге, в итоге были пойманы, и чуть позже мы раскроем все подробности задержания Унабомбера, а также «убийцы с Грин-Ривер» и «душителя СПУ». Ларри Джин Белл был казнен за жестокое убийство семнадцатилетней Шэри Фэй Смит и девятилетней Дебры Мэй Хельмик. Сексуальные маньяки Джером Брудос, Джозеф Кристофер и Артур Шоукросс скончались за решеткой, как и убийца Мартина Лютера Кинга Джеймс

Эрл Рэй и некогда вселявший ужас в население всей страны Чарльз Мэнсон. Несостоявшиеся убийцы Джон Хинкли-младший и Артур Бремер были освобождены из-под стражи. Калифорнийский «убийца из чащи» Дэвид Карпендер разменял восьмой десяток и все еще сидит в тюрьме. А агент ФБР Джо Делькампо – напарник Джона по преступлениям (а вернее, их раскрытиям), с которым они работали рука об руку на улицах Милуоки, недавно снялся в одном из сезонов реалити-шоу «Последний герой». (Никогда не знаешь, какие еще таланты обнаружатся у отставного спецагента.)

Любому автору лестно, если его книга даже спустя двадцать лет после выхода в свет все еще пользуется популярностью (и спросом). И мы с Марком не исключение. Реакция читателей была поистине изумительной. Мы испытали настоящую гордость не только за самих себя, но и за наши семьи. Нам нравится думать, что столь продолжительным успехом «Охотник за разумом», его продолжения, а также фильмы и телешоу (в том числе свеженький сериал на канале «Нетфликс»), чьи продюсеры отдали должное нашей работе, обязаны запутанным делам и историям о жизни и смерти, которые мы открыли читателям на страницах нашей книги. И хотя наука, техника и методы расследования за последние два десятилетия шагнули далеко вперед, человеческое мышление и мотивы поведения остались прежними и вряд ли когда-нибудь изменятся.

Нас часто спрашивают, почему документальные произведения о расследовании преступлений так популярны среди читателей и телезрителей, ведь в центре внимания, как правило, оказываются неприглядные, порой жуткие подробности, сами истории насквозь пропитаны трагизмом, а хеппи-эндом ждать и вовсе не приходится. Мы полагаем, тут дело в том, что сама природа документального жанра раскрывает фундаментальные основы так называемой человеческой природы. Под этим термином мы имеем в виду инстинкты и эмоции, которые испытывает каждый из нас: любовь, ненависть, ревность, жажду мести, амбиции, вожделение, радость и грусть, страх, разочарование и отчаяние, гордыня и тщеславие... Зачастую они сопровождаются подсознательной предрасположенностью к неадекватному поведению и отказом принимать себя таким, каков ты есть. Жанр обнажает все грани человеческой природы, показывает, на что толкает обычных людей крайняя степень проявления инстинктов и эмоций. Так что каждый случай, с которым мы имели дело, каждое преступление, о котором мы упоминали, каждое решение, которое мы принимали, – все это театр госпожи морали со своими героями, злодеями и жертвами.

Давая уже в отставке консультации, Джон, независимо от того, был он на стороне обвинения или защиты, платили ему за услуги или он трудился безвозмездно, всегда повторял: «Хоть это и вы меня наняли, но единственный, на кого я здесь работаю, это жертва». Наша первая обязанность – всегда сохранять к делу именно такой подход.

А сейчас давайте вкратце ознакомимся с некоторыми из дел, которые были раскрыты с момента первой публикации «Охотника за разумом».

Одно из них оставило в нашей памяти особый след, поскольку едва не стоило Джону жизни. Речь идет о деле «убийцы с Грин-Ривер», орудовавшем на территории штата Вашингтон. Гэри Леон Риджуэй сначала признался в убийстве сорока восьми женщин, а затем их число выросло, по самым скромным подсчетам, до семидесяти одной. Беглянок, проституток и просто незащищенных девушек он выслеживал на так называемой полосе Си-Так – участке автострады, протянувшейся вдоль Тихоокеанского побережья между Сиэтлом и Такомой.

Мы сразу составили предельно простой и понятный психологический портрет неизвестного субъекта (или просто субъекта): одинокий мужчина, вероятнее всего дальнбойщик, имеющий возможность без подозрений подбирать голосующих на дороге девушек. У него есть небольшая хижина, где он, видимо, и душил жертв, после чего вывозит тела в ущелье реки Грин-Ривер или бросает на Си-Так. Впрочем, Джон с коллегами тут же оговорился, что руководствоваться следует отнюдь не портретом, а поведением преступника после совершения убийства. Субъект наверняка старался принимать участие в расследовании и возвращался на те места, откуда похитил девушек или где спрятал трупы, чтобы еще раз оживить свои фантазии.

Поскольку психологический портрет оказался несколько размытым, Джон считал, что в какой-то момент полиция допросит или уже допросила настоящего преступника, особенно если он хорошо вписывался в наш портрет. Отношения с проститутками и беглянками у него наверняка не складывались, чем он и оправдывал необходимость их «покарать». Поэтому Джон также предупредил коллег, что не стоит отсеивать подозреваемых, опираясь исключительно на показания полиграфа, ведь сам убийца не считает себя виноватым. К тому же детекторы лжи не отличаются особой точностью, из-за чего суд редко принимает их результаты в качестве доказательства. Полиграф хорошо выявляет ложь у обычных людей, но для социопата не составит большого труда

обвести вокруг пальца железную коробку с торчащими из нее проводами.

Гэри Риджуэя арестовали 30 ноября 2001 года, когда он выходил из здания завода грузовых автомобилей «Кенворт» в Рентоне, штат Вашингтон, где работал автомалюром. Его задержали по обвинению в принуждении к занятию проституцией, а позднее анализ ДНК позволил выявить его причастность к убийству четырех девушек, в очередной раз подчеркнув практическую ценность тогда еще новой научной отрасли. Бывшего водителя грузовика арестовывали еще в далеком 1982-м по подозрению в связи с проститутками, а в 1983-м он стал подозреваемым по делу Грин-Ривер. Но тогда Риджуэй без особых затруднений прошел тест на полиграфе, и в полиции мигом отсеяли его кандидатуру. Последующий анализ его показаний на детекторе лжи привел к заключению, что результаты были истолкованы неверно. (Кто бы мог подумать!)

В следующий раз власти обратили на Гэри внимание только в 1987-м – обычное дело для зависшего расследования, – но на этот раз у подозреваемого взяли образцы волос и слюны. Лишь двадцать четыре года спустя преступление наконец удалось раскрыть благодаря повторному анализу ДНК. В 2003-м Риджуэй признал свою вину по сорока девяти обвинениям в преднамеренном убийстве с отягчающими обстоятельствами. В обмен на смягчение наказания он признался в ряде других убийств, и суд отказался от смертной казни, приговорив обвиняемого к нескольким пожизненным срокам без права на условно-досрочное освобождение.

Оглядываясь назад, в психологическом портрете мы видим лишь одну ключевую ошибку, а именно – заключение о том, что субъект холост. На самом деле Риджуэй был три раза женат и имел бесчисленное множество подружек, как одна заявлявших о его неумном сексуальном аппетите. Он служил на флоте во время войны во Вьетнаме и частенько не брезговал проститутками. Возможно, из-за гонимости, которую он подцепил на фоне беспорядочных половых связей, Гэри и начал наказывать «ночных бабочек»: инфекция явилась стресс-фактором, подтолкнувшим его за черту закона.

Спустя годы исследований и развития профайлинга психоаналитики по-прежнему не всегда оказываются правы в том, что серийный убийца (даже тот, кто проводит много времени в разъездах) обязательно холост и не состоит ни в каких отношениях. В главе 13 («Самая опасная дичь») вы узнаете историю пекаря из Аляски Роберта Хансена, жена которого оставалась в полном неведении, что ее муж похищает проститутку, вывозит их на частном самолете в

глушь, а затем устраивает на них охоту, словно на диких зверей.

Самопровозглашенный «душитель СПУ» – Деннис Рейдер из Уичито, штат Канзас, – тоже в каком-то смысле был охотником, но выслеживал жертв в их домах. Он особенно гордился тем, что может «связать, пытать, убить» целую семью, а затем в деталях зарисовать сцену зверства. Джон и его коллеги по ФБР, Рой Хейзелвуд и Рон Уокер, догадались, что рисунки и манера Рейдера описывать свои преступления свидетельствуют о том, что убийца либо бывший коп, либо, вероятнее всего, «полицейский фанат», старающийся во всем копировать сотрудников правоохранительных органов. Серийные убийцы питаются чувством власти над жертвой и поэтому склонны завидовать полицейским, поскольку те, по их мнению, обладают широкими полномочиями.

В расследовании дела «СПУ» мы столкнулись с довольно нетипичной ситуацией. Поначалу душитель совершал убийства одно за другим, но вдруг они резко прекратились. Обычно в подобных случаях мы предполагаем, что субъект переехал, оказался в тюрьме за другое правонарушение или попросту умер.

Но спустя много лет затишья душитель вновь принялся за старое. В 1974-м он убил пять женщин, в 1977-м – еще двух. Затем о нем не было ничего слышно вплоть до 1985-го, когда он убил девушку, а год спустя – еще одну. Дальше он впал в спячку больше чем на пять лет и лишь в 1991-м расправился с последней жертвой. Немногие серийные убийцы (если таковые вообще найдутся) отдают себе отчет в том, что совершили нечто ужасное, и решают встать на праведный путь. Тут следовало искать другое объяснение. Может, Рейдер мог контролировать себя и долгое время жить воспоминаниями о своих преступлениях?

Общественность узнала о «душителе СПУ» в 2004-м. Он похвастался в местной прессе своими успехами и взял на себя вину за убийство, которое мы ему даже не приписывали. Рейдер не мог не напомнить о себе в СМИ. Почти все сексуальные маньяки расценивают совершенные ими убийства как самые важные и радостные события в своей жизни. И если общение с властями и СМИ приносит им эмоциональное удовлетворение, то вряд ли они от него откажутся.

В конце 2004-го, как бы намекая на собственную добропорядочность и в качестве примера своего «искусства», субъект отправил полицейским водительское удостоверение жертвы и куклу со связанными руками и ногами и с полиэтиленовым пакетом на голове. В одном из своих многочисленных писем

властям душитель поинтересовался, смогут ли его вычислить, если он отправит дискету с записью на местное телевидение. По заранее оговоренному с убийцей каналу связи – через тайные объявления в газете «Уичито игл» – полиция с готовностью признала, что не сумеет его найти.

16 февраля 2005 года в редакцию местного телеканала КСАС, принадлежащего студии «Фокс», пришла посылка предположительно от «душителя СПУ». В ней находились золотая цепочка, ксерокопия обложки книги об убийце, который связывал жертв и затыкал им рот кляпом, несколько разлинованных листов бумаги, на одном из которых была инструкция, как общаться с душителем через колонку объявлений в «Уичито игл», и... дискета. Правда, ее содержание полицию разочаровало: ни намека на убийства, только файл с сообщением «Это проверка» и отсылка к листкам с указаниями.

Хотя полиция Уичито и заверила душителя, что вычислить его по дискете не удастся, компьютерщики все же смогли проанализировать метаданные (на момент написания «Охотника за разумом» мы еще были бесконечно далеки от подобных терминов). Обнаружилось, что ранее носитель использовался на компьютере в местной лютеранской церкви, а последние изменения внесены пользователем под именем Деннис. На интернет-странице церкви было сказано, что Деннис Рейдер является председателем церковного совета. Автомобиль Рейдера, черный джип «чероки», подходил под описание транспортного средства, замеченного рядом с местом, где душитель оставил одну из своих посылок.

Чтобы определить причастность Рейдера к преступлениям по ДНК-тестированию, окружная прокуратура получила ордер на анализ мазка дочери Рейдера, который брали у нее во время обследования в поликлинике при университете штата Канзас, где училась девушка. Специалисты канзасского бюро расследований провели ряд тестов и пришли к выводу, что биоматериал имеет родственную ДНК с образцом, взятым с тела одной из жертв душителя. После ареста Деннис Рейдер, как и Гэри Риджуэй, признал свою вину, что позволило ему избежать смертной казни.

Составляя психологический портрет «душителя СПУ», специалисты отдела поведенческого анализа ФБР сделали вывод, что убийца, способный на столь садистские преступления, скорее всего холост, с одной лишь оговоркой: «Даже если у субъекта есть девушка или жена, то эта женщина должна быть покорна, податлива и / или находиться от него в сильной зависимости». И тут профайлеры

попали в яблочко.

Деннис Рейдер не был полицейским, но служил офицером охраны порядка в Парк-сити, штат Канзас. Проще говоря, он следил за тем, подстрижен ли вовремя газон, на поводке ли гуляют собаки и расчищены ли дорожки после снегопада. Он настолько строго придерживался буквы закона, что раздавал предписания направо и налево, а одна семья даже подала жалобу, когда он без видимых на то причин усыпил их собаку. Ранее Рейдер служил в ВВС США, получил диплом бакалавра в университете Уичито по специальности «обеспечение правопорядка» и работал в компании, проверяющей безопасности жилых помещений. Заметили склонность к контролю?

И это еще не все. Когда Рейдер уже сидел за решеткой, выяснилось, что он мучил мелких животных и забирал в качестве сувениров нижнее белье убитых им женщин.

По завершению судебного разбирательства и объявлению приговора Джону представилась возможность лично пообщаться с Рейдером в исправительной колонии города Эль-Дорадо, штат Канзас. Один вопрос не давал Джону покоя: почему Рейдер неоднократно бросал свои зверства, а затем снова принимался за них?

Со слов самого Рейдера, тому имелась весьма простая и вполне «человечная» причина. Однажды его жена Паула вернулась домой раньше обычного и застала супруга разгуливающим по дому в женском белье (принадлежавшем жертвам). Хотя она и не могла знать, откуда взялись бюстгалтер и трусики, но все равно испытала не просто шок, а отвращение. Рейдер попытался объяснить ей, что это всего лишь безобидный фетиш и что он постоянно борется с собой, стараясь от него избавиться. Но такой ответ Пауле не устроил. Она пригрозила, что уйдет от него, если такое повторится.

Сложно сказать, хватило ли ее слов, чтобы привести убийцу в чувство, но Рейдер четко осознал: если он даст Пауле хоть один повод позвонить в полицию или просто пожаловаться знакомым, то в нем и его «трофеях» запросто узнают почерк «душителя СПУ».

Некоторое время он довольствовался воспоминаниями, рисунками и вещами, украденными у жертв, но в какой-то момент мания возобладала, и Рейдер вновь

начал вламываться в дома, связывать и пытаться. И вновь жена застукала его в женском белье. К счастью для Рейдера, Паула не видела между убийствами и поведением мужа никакой связи. Хотя мы описали ее как покорную и зависимую женщину, ей все-таки хватило мужества подать на развод, как только правда всплыла на поверхность.

Судя по тому, сколь активно Деннис Рейдер настаивал на том, чтобы в прессе его называли именно «СПУ», Джон догадался, что он черпал вдохновение у других серийных убийц. Оказалось, Рейдер восхищался Харви Глатменом по прозвищу «убийца одиноких сердец», который орудовал в пятидесятые годы в Лос-Анджелесе. Он заманивал женщин к себе в квартиру (и не только) под заманчивым предлогом фотосессии для глянцевого журнала, а потом связывал, насиловал и душил, после чего выбрасывал тела где-нибудь на пустыре. Его арестовали в 1958-м, после того как одной жертве удалось сбежать и заявить в полицию. 18 сентября 1959 года суд приговорил Глатмена к смертной казни в газовой камере тюрьмы Сан-Квентин.

Деннис Рейдер охотно цитировал Харви Глатмена: «Все дело в веревке». Но что именно это значило? Веревка символизировала абсолютную власть над жертвой. Заветной мечтой и Рейдера, и Глатмена было бесконечно долго пытаться жертву, не давая ей умереть и наслаждаясь собственной властью. Оба они стремились к этому, но оба понимали, что подобное невозможно.

Различная длительность криминальной карьеры обоих убийц определяется не более чем простым везением. Ни Рейдер, ни тот же Гэри Риджуэй не отличались особым интеллектом. Они были одержимы своими преступлениями, и лишь по счастливой (для них) случайности их не вычислили раньше. Как ни парадоксально, но задержание Рейдера очень напоминало операцию по захвату другого серийного убийцы, которого поймали уже после выпуска первого тиража «Охотника за разумом». По всей видимости, последний маньяк оказался куда умнее троих предыдущих, вместе взятых.

В главе 17 («Жертвой может стать каждый») мы рассказываем о тогда еще не вычисленном Унабомбере, который отправлял ученым и сотрудникам технологического сектора хитроумно заминированные посылки. В результате его действий трое погибли, а еще двадцать три человека получили увечья. Преступник даже умудрился подкинуть взрывное устройство в багаж одному из пассажиров рейса авиакомпании «Американ эйрлайнз» из Чикаго, но взрывчатка сперва задымилась, и пилот своевременно совершил аварийную посадку.

В отличие от Денниса Рейдера, Унабомбер не работал на публику. Его прозвище появилось благодаря делу под кодовым названием «УНАБОМ», то есть «Университетский и Авиационный БОМбист». Между специалистами из ФБР и постоянно растущей опергруппой возникли разногласия относительно личности субъекта. Мы никак не могли определиться, был ли он сотрудником авиакомпаний (возможно, работал механиком и обладал техническими навыками, коль скоро так умело собирал взрывные устройства) или, как считал Джон, имел отношение к научным кругам, так как обладал специфическими знаниями об устройстве бомб и мастерски планировал закладку. Субъект также начинял бомбы посторонними добавками – древесиной и корой, – что дополнительно сбивало следствие с толку.

Когда Унабомбер начал отправлять письма в газету «Нью-Йорк таймс», сетуя на крупные корпорации, наносившие вред окружающей среде (к примеру, он ссылаясь на аварию танкера «Эксон Вальдез», приведшую к масштабному разливу нефти), Джон окончательно уверился, что манера выражаться выдает связь с научными кругами. Претензии, высказываемые в посланиях, и использование дерева в бомбах натолкнули следствие на мысль, что Унабомбер является своего рода неолуддитом – ярким противником технологий.

Так прошло несколько лет. Наконец, насытившись периодическими подрывами, Унабомбер опубликовал в «Нью-Йорк таймс» ультиматум. Он обещал прекратить свою преступную деятельность, если «Таймс» и «Вашингтон пост» опубликуют его манифест об индустриализации. В противном случае он грозил новыми взрывами.

Заявление вызвало целый вал ожесточенных споров среди журналистов, в правоохранительных службах и на совместных пресс-конференциях. Руководство «Таймс» и «Вашингтон пост» беспокоилось, что Унабомбер создаст прецедент для других преступников и отныне издатели газет станут заложниками любого сумасшедшего, который вознамерится довести до широкой общественности свои бредовые идеи. Правоохранительные органы не хотели идти на поводу убийцы и тоже опасались, что согласие на публикацию породит целую толпу подражателей.

Позиция отдела следственного сопровождения Куантико была несколько более приземленной: общественность – наш самый большой друг и помощник. Когда все логичные и разумные наводки уже исчерпаны, следует просить помощи у

простых граждан. Генеральный прокурор Джанет Рено согласилась с мнением ОСС.

В прошлом такой подход уже показал свою эффективность. Чуть позже вы ознакомитесь с подробностями расследования спецагента и профайлера Яны Монро, занимавшейся тройным убийством в Тампа-Бэй. В какой-то момент у нее появилась идея разместить на рекламных щитах записку, предположительно написанную рукой преступника. Это помогло выйти на Обу Чандлера, который впоследствии был арестован, осужден и казнен за совершенные им деяния.

Сегодня о деле Унабомбера не слышал только ленивый. Газеты в итоге опубликовали в особой колонке эссе в тридцать пять тысяч слов под названием «Индустриальное общество и его будущее». Эссе попало на глаза Линде Патрик, и она дала его почитать своему мужу Дэвиду Казински, специалисту по работе с молодежью и социальному работнику. Ей показалось, что идеи, высказанные в манифесте, удивительно похожи на взгляды Теда, старшего брата мужа, которого Линда подозревала и ранее. Теодор «Тед» Казински получил в Гарварде и университете Мичигана докторскую степень по математике, однако уже несколько десятилетий жил отшельником в лесной глуши Монтаны в крошечной хижине без электричества и воды.

Дэвиду и Линде пришлось пройти через настоящие муки совести, решившись выдать брата полиции. Прежде чем Дэвид рассказал, где именно находится Тед, он договорился, что брата не казнят, несмотря на его преступления. И хотя Бюро поощряет смертную казнь в качестве наказания за особенно жестокие серийные убийства, мы не могли осуждать Дэвида и Линду за такую просьбу, ведь супруги совершили поистине героический поступок. Те-да приговорили к нескольким пожизненным срокам, и в данный момент он отбывает наказание в федеральной тюрьме строгого режима в городе Флоренс, штат Колорадо.

Можно ли было быстрее остановить «душителя СПУ» с помощью стратегии, использованной в случае с Обой Чендлером или Унабомбером? Вполне вероятно, но этого мы уже никогда не узнаем. Их преступления были совершенно разными, но что объединяет неуправляемого гения Теда Казински и ущербного садиста Денниса Рейдера, так это их безмерное самодовольство. Ни тот, ни другой не могли допустить, чтобы их таланты так и остались непризнанными. Именно это их и подвело.

Конечно, любое дело кажется простым и очевидным, когда оно уже раскрыто. По понятным причинам в ходе следствия детективы неохотно делятся информацией о преступнике. Но если бы полиция Учито все же обнародовала рисунки «душителя СПУ», описала места преступлений или раскрыла другие подробности дела, то, возможно, кто-нибудь из коллег Денниса Рейдера, прихожан церкви, знакомых или членов его семьи узнал бы его работы и позвонил в полицию. Ну или хотя бы заподозрил неладное.

С момента написания «Охотника за разумом» в мире криминальной «моды» произошли заметные изменения. В целом насильственных преступлений сегодня совершается меньше, однако число убийств на сексуальной почве практически не изменилось. По нашему мнению, причина в том, что данный тип криминальной патологии не столь сильно подвержен влиянию социальных факторов или растущего полицейского надзора, как прочие. Последние шестнадцать лет наше внимание все больше занимает локальный и международный терроризм – феномен, активизировавшийся только с 1995 года, когда произошел теракт в здании госучреждения в Оклахома-сити. Печально, что массовые убийства стали для нас обычным явлением. Вспомните, например, какой фурор вызвали события 1966-го, когда Чарльз Уитмен отстреливал прохожих с башни Техасского университета. (Вскрытие обнаружило у него небольшую опухоль головного мозга. Впрочем, со слов опытного невропатолога, она не затрагивала области, отвечающие за нормальное поведение.)

Как мы отмечали ранее, хотя типы преступлений изменились, мотивация, лежащая в их основе, осталась прежней.

О ком бы ни шла речь – о террористе Теде Казински, «техасском снайпере» Чарльзе Уитмене, бесчисленном множестве стрелков в школах или о толпах религиозных фанатиков, отравляющих жизнь современного мира, – в основе действий этих людей лежит одна и та же психология. Они убеждены в том, что могут прикрывать свое малодушие, скудоумие, бремя неудач или отсутствие жизненных целей массовым насилием, совершаемым якобы во имя политических взглядов, а на деле – исключительно ради самоутверждения. Опять-таки, вечно разрываясь между отчаянием, чувством собственного превосходства и себялюбием, все без исключения массовые убийцы будут оставаться глубоко ущербными людьми, страстно желающими стать хоть кем-то в жизни, наделять ее хоть каким-то смыслом. Отдельным из них, пусть и далеко не всем, даже хватает запала умереть во имя своего дела. Они так заблудились в лабиринте

собственных предрассудков, что насилие для них – единственный способ самоутвердиться.

За годы, прошедшие с тех пор, как Джон ушел из ФБР и стал работать независимым экспертом, его взгляды, как и взгляды Марка, значительно расширились, что нашло отражение в наших последующих книгах. Агенты отдела следственного сопровождения работают исключительно с теми случаями, к расследованию которых их приглашают шерифы и полицейские, но никак не подсудимые. Когда же Джон вышел на пенсию, у нас появилась возможность взглянуть и на другую сторону медали. Стоит признать, что далеко не все официальные расследования могут похвастаться исчерпывающей точностью.

В качестве таковых можно привести убийство в 1993 году трех восьмилетних мальчиков в Арканзасе, приписанное так называемой «троице из Уэст-Мемфиса»; все еще нераскрытое дело 1996-го, когда на Рождество была задушена шестилетняя Джонбенет Рэмси в Боулдере, штат Колорадо; смерть двадцатидвухлетней студентки, гражданки Великобритании Мередит Керчер, приехавшей по обмену в 2007-м в итальянский город Перуджа, за которое по ошибке осудили студентку из США Аманду Нокс и ее итальянского бойфренда Рафаэля Соллечито. Все эти случаи служат наглядными доказательствами того, насколько полиция способна сбиться со следа, если с самого начала руководствуется лишь предвзятыми суждениями, а не объективными уликами, и к каким ужасающим последствиям могут привести подобные действия. Небрежный осмотр места преступления и некачественное хранение вещественных улик; ошибочные техники ведения допросов, приводящие к ложным показаниям; неверные домыслы и излишнее доверие тюремным стукачам (у них ведь свои корыстные цели, редко совпадающие с задачами следствия) в конечном итоге оборачиваются несправедливыми обвинениями и поломанными судьбами.

Не так давно нам самим пришлось пересмотреть собственные взгляды, в очередной раз размышляя над делами, в расследовании которых Джон принимал непосредственное участие, и теми эпизодами, которые описаны на страницах «Охотника за разумом». В главе 7 («Сердце тьмы») вы прочтете об интервью с серийным убийцей Уильямом Хайренсом, которое Джон и Боб Ресслер провели в тюрьме Стейтвилл в Крест-Хилле, штат Иллинойс. Это была первая из многих бесед в ходе исследования природы серийного убийства. После Второй мировой

войны Хайренс поселился в Чикаго и стал известен под прозвищем «помадный убийца», а впоследствии сознался и был осужден по обвинению в жестоком убийстве и расчленении шестилетней Сьюзан Дегнан.

Во время беседы Джона настолько поразило, как настойчиво Хайренс твердит о своей невинности, что он, по его словам, «вернулся в Куантико и перерыл все записи по его делу. Помимо признательных показаний и неопровержимых улик, на месте убийства Дегнан были найдены едва заметные отпечатки его пальцев. Но Хайренс провел в камере так много времени, размышляя об убийстве и убеждая себя в собственной невинности, что даже в тесте на полиграфе не проявил бы никаких признаков лжи».

Спустя много лет после выхода книги мы в очередной раз рассмотрели случай Хайренса во всех подробностях и наконец поняли, почему он так настаивал на своей невинности. Дело в том, что с крайне высокой степенью вероятности Уильям Хайренс действительно был невинен. Да, в колледже он частенько промышлял кражей со взломом, но, пусть и владея огнестрельным оружием, ни разу не проявил жестокость настоящего убийцы. Он совершенно точно не вписался бы в портрет, если бы Джон тогда его составлял. Но полиция, задержав Хайренса, тут же потеряла всякий интерес к поиску более подходящего кандидата на роль преступника. В конце концов, всем хочется, чтобы кровожадного убийцу поймали как можно скорее.

Принимая во внимание более чем двадцатилетний опыт Джона, целиком посвятившего себя профайлингу и следственно-криминальному анализу; учитывая неважную репутацию полиции Чикаго, в 1930-1940-х годах славившейся привычкой «выбивать» признания из подозреваемых и подделывать улики (так было с Уильямом Хайренсом и одним афроамериканцем, который проходил главным подозреваемым, но в итоге оказался абсолютно невинным); понимая, что качество психологического портрета всецело зависит от информации и улик, которые предоставит полиция, нетрудно поверить, что Хайренс и в самом деле мог оказаться невинным.

Однако решение суда так и не пересмотрели. Уильям Хайренс, уже прикованный к инвалидному креслу, скончался в исправительной колонии города Диксон, штат Иллинойс, 5 марта 2012 года в возрасте восьмидесяти трех лет, побив национальный рекорд по сроку, проведенному за решеткой.

Вопреки желанию изменить или доработать некоторые детали нашего повествования в угоду новому изданию «Охотника за разумом», мы с гордостью представляем на суд читателя книгу в том виде, в котором она была написана еще в середине девяностых. На наш взгляд, лучше оставить все как есть, сделав лишь некоторые оговорки во введении. Подобно тому, как процесс мышления и мотивы поведения человека остаются неизменными, так и важнейшие основы криминальных расследований незыблемы посреди неумолимого течения времени. Несмотря на те преимущества, которые нам дарованы технологическим прогрессом, – компьютер, анализ ДНК, серология, изучение поджогов, революционный прорыв в дактилоскопии и баллистической экспертизе, – классический следственный анализ и его традиционные методики никуда не ушли, а достойной замены им пока не придумали. Они включают изучение места преступления и всех вещественных (и не только) доказательств, исследование тела жертвы, опрос свидетелей. Ни одна даже мельчайшая зацепка не должна оставаться без внимания, хотя, говоря по правде, вряд ли мы когда-нибудь сможем исключить влияние человеческого фактора.

То, что работало более двадцати лет назад, работает и по сей день и будет работать в таком далеком будущем, какое мы только можем представить.

Поведение – это зеркало личности. Чтобы спрогнозировать насилие в будущем, нужно заглянуть в прошлое. Хочешь понять «художника» – присмотри к его «картинам». Преступление надо оценивать во всех его проявлениях, но опыт тут незаменим. Поэтому, чтобы понять, как мыслит преступник, нужно обратиться к первоисточнику и научиться правильно трактовать его сигналы. И самое главное, нужно помнить: что + почему = кто.

Ну а теперь позвольте пригласить вас на охоту.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер

Пролог. Я в аду

Похоже, я в аду.

Другого логического объяснения я не находил. Меня раздели и связали. Невыносимая боль. Руки и ноги сплошь изрезаны. На теле не осталось ни одного живого места. Мне что-то заталкивали в глотку, а я давился и корчился от боли. В уретру и анус воткнули острые предметы. Меня рвали на куски. Пот лился градом. А потом я наконец понял: все те убийцы, насильники и растлители, которых я в свое время упек за решетку, теперь обратили свою ненависть против меня. Жертвой стал я сам, и спасения не было.

Я знал, как они действуют; я видел их работу много раз. Они жаждут абсолютной власти. Стремятся подчинить своей воле и тело, и разум жертвы. Хотят единолично решать, жить ей или умереть, а если умереть – то как. Смерть не будет легкой: снова и снова приводя меня в чувство, они заставят меня балансировать на грани жизни и смерти, причиняя максимум боли и страданий. Самые опытные мучители способны продолжать пытки много дней подряд.

Они хотели показать мне, что я полностью и безоговорочно в их власти. Чем больше я кричал, чем больше молил о пощаде, тем сильнее разжигал их мрачную фантазию. Взывай к милосердию, зови мамочку или папочку, – душегубы лишь пуще распалятся.

Вот что я заслужил за шесть лет охоты на худших представителей человечества.

Сердце бешено стучало, я был словно в бреду. Они протолкнули острие еще глубже в уретру, и невыносимая боль обжигающей волной прокатилась по всему телу. Я забился в конвульсиях и агонии.

«Боже милостивый, если я все еще жив, позволь мне умереть быстро. А если я уже мертв, избавь меня от пыток и спаси из этого ада», – стучало в голове.

А затем темноту прорезал яркий свет, который, говорят, появляется в момент смерти. Я ждал Христа, ангелов или демонов – об этом я тоже был наслышан. Но, кроме света, ничего не видел.

Но зато я слышал голос: он утешал, наполнял надеждой. Самый умиротворяющий голос на свете: «Джон, все хорошо. Мы стараемся тебе помочь», – и это было последнее, что я запомнил.

– Джон, ты меня слышишь? Все хорошо. Тише. Ты в больнице. Ты тяжело болен, но мы стараемся тебе помочь. – Как оказалось, это говорила медсестра. Она не знала, слышу ли я ее, но повторяла и повторяла эти слова, и они бальзамом проливались на мое истерзанное сознание.

Хотя тогда я этого и не понимал, но от комы я очнулся в палате интенсивной терапии больницы Суидиш в Сиэтле, подключенный к аппарату искусственного дыхания. Ноги и руки пристегнули к койке. Тут и там из тела торчали трубки, шланги, капельницы и катетеры. Никто не верил, что я выкарабкаюсь. На дворе стояло начало декабря 1983 года. Мне было тридцать восемь.

А началось все тремя неделями ранее на другом конце страны. Я выступал в Нью-Йорке с лекцией на тему профайлинга в криминалистике перед аудиторией из трехсот пятидесяти человек, среди которых были сотрудники местного полицейского управления, транспортной полиции, представители правоохранительных органов Нассау, Суффолка и Лонг-Айленда. Эту лекцию я читал уже столько раз, что знал ее наизусть.

И вдруг мне стало худо. На лбу выступил холодный пот. Я отдавал себе отчет в том, что продолжаю говорить, но мысленно обращался к самому себе: «Как, черт возьми, раскрыть все эти дела?» Я едва расправился со случаем детоубийцы Уэйна Уильямса в Атланте и с серийным убийцей на почве расовой ненависти в Буффало, получившим прозвище «22-й калибр», как меня пригласили расследовать дело «убийцы из чащи» в Сан-Франциско. Одновременно я консультировал Скотленд-Ярд по делу «йоркширского потрошителя» в Англии и постоянно мотался на Аляску, стараясь накрыть Роберта Хансена – анкориджского пекаря, который похищал проституток, вывозил подальше в лес и устраивал там сафари с их участием. Еще на мне висел серийный поджигатель синагог в Хартфорде, штат Коннектикут, а через две недели нужно было лететь в Сиэтл, чтобы проконсультировать оперативников в Грин-Ривер по делу, грозившему стать самой масштабной серией убийств в истории США: между Сиэтлом и Такомой завелся некий убийца, выслеживавший проституток и бродяжек.

Вот уже шесть лет я разрабатывал новый метод криминального анализа и при этом оставался единственным в поведенческом отделе, кто параллельно на полной ставке занимался нераскрытыми делами. Все остальные по большей части работали инструкторами. На тот момент я вел около ста пятидесяти расследований, и никто мне не помогал. Из своего рабочего кабинета в

Академии ФБР, расположенной в Куантико, штат Вирджиния, я отправлялся в командировки 125 раз за год. Местные копы давили на меня со всех сторон, а на них, в свою очередь, давили общественность и семьи жертв, которым я всегда искренне сочувствовал. Преступников надо было найти. Я тщетно пытался грамотно расставить служебные приоритеты, но день за днем меня заваливали тоннами новых запросов. Коллеги по академии в шутку называли меня шлюхой, ведь я никогда не отказывал клиентам.

На той лекции в Нью-Йорке я по инерции продолжал говорить о различных типах личностей преступников, но мыслями снова и снова возвращался в Сиэтл. Я знал, что далеко не все оперативники рады меня видеть, и привык к такому отношению. И еще я знал, что должен завоевать их доверие, как бывало в любом другом крупном расследовании, куда меня приглашали, поскольку большинство рядовых копов и даже высоких чинов в ФБР все еще считали, что мое ремесло недалеко ушло от колдовства. Мне нужно быть убедительным, но не слишком самоуверенным, и тем более не выпендриваться. Мне предстояло, с одной стороны, дать детективам понять, что я не сомневаюсь в их профессионализме, а с другой – продемонстрировать, что ФБР действительно способно им помочь. Но, наверное, самое сложное, что в моей работе были задействованы не «только факты, мэм», как у большинства агентов ФБР, а мнения. Меня ни на минуту не покидала мысль, что любая моя ошибка способна направить расследование серийных убийств по ложному следу, и тогда не миновать новых жертв. Мало того: каждый промах забивает гвоздь в крышку гроба новой программы оценки и анализа психологического портрета преступника, над которой я корпел столько лет.

А впереди меня ждал долгий перелет. Мне уже приходилось несколько раз бывать на Аляске: я пересекал четыре часовых пояса, вцепившись в сиденье так, что белели костяшки пальцев, летел над самой водой и приземлялся уже затемно. А сразу по завершении встречи с местной полицией мне предстояло снова трястись в самолете на пути обратно в Сиэтл.

Паническая атака длилась, быть может, не более минуты. Я твердил себе: «А ну-ка, Дуглас, соберись. Возьми себя в руки». И мне это удалось. Вряд ли хоть один слушатель в том зале заподозрил неладное. Но чего я не сумел, так это избавиться от навязчивого ощущения, что со мной вот-вот произойдет нечто ужасное.

Не в силах справиться с дурным предчувствием, по возвращению в Куантико я прямиком отправился в отдел кадров и оформил дополнительное страхование жизни и доходов на случай собственной инвалидности. Не знаю точно, что послужило причиной, кроме неявного, но неотвязного страха. Я выгорел; я слишком много работал и, пожалуй, пил больше, чем нужно, чтобы справляться со стрессом. Я страдал от бессонницы, а едва удавалось провалиться в сон, меня вскоре будил чей-нибудь звонок: срочно требовалась моя помощь в очередном деле. Пытаясь снова заснуть, я заставлял себя думать о делах в надежде, что меня вдруг осенит. Теперь, оглядываясь назад, совсем нетрудно догадаться, к чему рано или поздно приведет такой образ жизни, но тогда у меня просто не было выбора.

Перед отъездом в аэропорт я вдруг решил заскочить в начальную школу, где моя жена Пэм обучала чтению детей с отставанием в развитии, и рассказать ей о новой страховке.

– Зачем это? – спросила она с тревогой в голосе.

Меня мучила страшная мигрень с правой стороны головы, а еще, как отметила жена, глаза у меня налились кровью, да и вообще выглядел я неважно.

– Просто хотел предупредить перед отъездом, чтобы ты была в курсе, – ответил я.

Тогда мы уже воспитывали двух дочерей: Эрике исполнилось восемь, а Лорен – три.

В Сиэтл я прихватил с собой двух новых спецагентов, Блейна Макилуэйна и Рона Уокера, намереваясь привлечь их к делу. Мы прибыли ночью и заселились в отель «Хилтон», расположенный в центре города. Разбирая чемодан, я обнаружил, что в нем только одна черная туфля. Либо я попросту забыл взять вторую, либо каким-то образом потерял ее по дороге. Утром мне предстояло выступить с презентацией в полиции округа Кинг, и без строгих черных туфель тут не обойтись. Я всегда уделял большое внимание собственному внешнему виду, а в силу накопившейся усталости и стресса доходил буквально до мании. Я не мог и помыслить, что к костюму у меня не будет пары черных туфель. Я выскочил на улицу в поисках открытого обувного магазина и, когда мне наконец удалось его отыскать, вернулся в отель совершенно вымотанный, но с

подходящей парой обуви.

Утром в среду я выступил с презентацией перед полицией и целой командой специалистов, среди которых были представители порта Сиэтла и пара местных психологов, приглашенных для участия в расследовании. Всех интересовал мой профайл убийцы: возможно ли участие нескольких преступников, каковы особенности их личности. Я пытался донести до аудитории, что в деле такого типа психологический портрет не имеет особого значения. У меня не было никаких сомнений в том, что за человека мы ищем, – как и в том, что под мое описание подойдет множество людей.

В случае нынешней серии убийств гораздо важнее, как я считал, действовать упреждающе, то есть использовать совместные усилия полиции и средств массовой информации, чтобы заманить душегуба в ловушку. Например, я предложил организовать среди местных жителей обсуждения этих преступлений. У меня были основания полагать, что убийца рано или поздно объявится на одном из таких диспутов. Кроме того, возможно, удастся выяснить, имеем мы дело с одним или несколькими преступниками. Я придумал еще один трюк: объявить в новостях, будто полиция нашла свидетелей похищений. Предчувствие подсказывало мне, что мы вынудим убийцу к собственным «упреждающим действиям»: он постарается убедить остальных, что оказался поблизости совершенно случайно. Но уверен я был только в одном: кто бы ни стоял за этими зверствами, он, в отличие от меня, не знал усталости.

Затем я дал несколько советов по поводу допроса подозреваемых – как тех, кого копы вычислят самостоятельно, так и несчастных безумцев, которые неизбежно подойдут под описание крайне распространенного психотипа. Остаток дня мы с Макилуэйном и Уокером посвятили осмотру мест, где обнаружили трупы, и к моменту возвращения в отель я был выжат как лимон.

За бокалом горячительного в баре отеля, где мы с Блейном и Роном пытались развеяться, я признался коллегам, что чувствую себя неважно. Голова по-прежнему адски трещала, я опасался, что подхватил грипп, и попросил ребят подменить меня на завтрашней встрече с полицией. Надеюсь, что денек в постели поставит меня на ноги, я пообещал вернуться в строй в пятницу. Пожелав своим помощникам спокойной ночи, я отправился к себе в номер и повесил на дверь табличку «не беспокоить».

Все, что я помню, это как уселся на кровать и начал раздеваться. Мне было очень плохо. В четверг мои коллеги-агенты отправились в здание суда округа Кинг и продолжили развивать идеи, обрисованные мной накануне. Как я и просил, меня не трогали, позволив отоспаться и подавить болезнь в зародыше.

Тревогу забили в пятницу утром, когда я не спустился к завтраку. Ребята позвонили в номер, но никто не снял трубку. Тогда они поднялись ко мне и стали колотить в дверь. Все тщетно.

Не на шутку встревоженные, агенты обратились к управляющему и потребовали ключ от моего номера. Но когда они отперли замок, путь преградила дверная цепочка. И тут из глубины комнаты донесся приглушенный стон.

Выбив дверь, парни ворвались внутрь. По их словам, я валялся на полу «в позе лягушки», полураздетый, и, похоже, пытался дотянуться до телефона. Левая половина тела тряслась в конвульсиях, а еще, как позже уверял Блейн, я «весь пылал».

Из отеля немедленно позвонили в больницу Суидиш, откуда за мной выехала скорая. Блейн и Рон тем временем оставались на телефоне с диспетчерской, то и дело сообщая текущие данные: температура перевалила за 41 градус по Цельсию, пульс – 220. Левую сторону напрочь парализовало, припадки продолжались и в карете скорой. В медицинском заключении отметили «симптом кукольных глаз»: взгляд расфокусирован и привязан к одной точке.

Едва мы оказались в больнице, меня тут же обложили льдом и накачали слоновьей дозой фенobarбитала внутривенно в попытке унять конвульсии. Доктор потом признался Блейну и Рону, что такой дозой можно было бы усыпить чуть ли не весь Сиэтл.

Он также сообщил, что, несмотря на все усилия врачей, шансов у меня мало. Томография показала обширное кровоизлияние в правом полушарии головного мозга, спровоцированное сильным жаром.

– Проще говоря, – пояснил доктор, – мозг спекся до корочки.

Было 2 декабря 1982 года. Моя новая страховка вступила в силу днем ранее.

Начальник моего отдела Роджер Детью отправился в школу к Пэм, чтобы лично ей обо всем рассказать. Потом Пэм и мой отец Джек вылетели ко мне в Сиэтл. Девочек оставили на попечение Долорес, моей матери. В аэропорту родных встретили двое агентов из регионального отделения ФБР в Сиэтле, Рик Мейтерс и Джон Байнер, и сразу же повезли в больницу. Только там они узнали, насколько все плохо. Доктора старались морально подготовить Пэм к моей смерти: мол, даже если я выживу, то ослепну и стану овощем. Будучи католичкой, жена пригласила священника, чтобы меня соборовали, но тот отказался, узнав, что я пресвитерианец. Тогда Блейн и Рон выставили его за дверь и отыскивали другого священника, без предрассудков, умоляя его помолиться за меня.

Целую неделю я был в коме, болтаясь между жизнью и смертью. По правилам отделения интенсивной терапии навещать меня могли только родные, так что мои коллеги из Куантико, Рик Мейтерс и другие ребята из местного отделения ФБР срочно заделались моими близкими родичами. «Большая у вас семейка», – с иронией заметила в разговоре с Пэм одна из медсестер.

Вообще-то, в шутке про «большую семью» была и доля правды: в Куантико несколько моих коллег под предводительством Билла Хагмайера из отдела поведенческого анализа и Тома Коламбелла из Национальной академии организовали сбор средств, чтобы Пэм с отцом могли спокойно побыть со мной в Сиэтле. Не успели мы оглянуться, как полицейские со всех концов страны стали присылать пожертвования. Одновременно были сделаны необходимые приготовления, чтобы отправить мое тело обратно в Вирджинию, где мне предстояло быть похороненным на военном кладбище Куантико.

Ближе к концу недели Пэм, отец, агенты ФБР и священник собрались вокруг моей постели, взяли меня за руки и стали молиться. Той же ночью я вышел из комы.

Я помню, как удивился присутствию Пэм и отца, да и всей обстановке в целом. Поначалу разговаривать я не мог; левая половина лица обмякла, ведь мощный паралич затронул всю левую сторону тела. Постепенно дар речи стал возвращаться, но первое время звуки выходили совсем бессвязными. Еще через некоторое время я научился сначала понемногу, а потом все увереннее шевелить ногой. Глотка ужасно болела из-за трубки искусственного питания. От припадков теперь мне давали не фенобарбитал, а дилантин. После кучи анализов, компьютерных томографий и поясничных пункций мне наконец

поставили окончательный диагноз: вирусный энцефалит, усугубленный стрессом и общим ослабленным состоянием. Мне еще повезло, что я выжил.

Восстановление было невыносимо мучительным. Мне пришлось заново учиться ходить. Начались проблемы с памятью. Чтобы я поскорее запомнил фамилию лечащего врача – Сигал, – жена принесла мне фигурку чайки [З - Seagull – чайка (англ.) созвучно фамилии Siegal.] из морских ракушек, сидящую на пробковой подставке. Когда доктор вновь пришел проверить, как восстанавливаются мои когнитивные способности, и спросил, помню ли я его имя, я пробормотал:

– Конечно, доктор Чайка.

Несмотря на терпение близких и всестороннюю поддержку, которую мне оказывали, реабилитация совсем меня доконала. Я слишком привык все время чем-то заниматься, куда-то бежать. Когда мне позвонил директор ФБР Уильям Уэбстер и попытался приободрить, я пожаловался, что вряд ли снова смогу стрелять.

– Насчет этого не беспокойся, Джон, – заверил он, – нам нужна твоя голова.

Я не стал его расстраивать, но и от нее мало что осталось.

Домой из больницы меня выписали за два дня до Рождества. Перед отъездом я от всей души поблагодарил врачей скорой и сотрудников отделения интенсивной терапии за спасение моей жизни и подарил им памятные значки.

Роджер Депью подобрал нас в аэропорту Даллеса и отвез домой, во Фредериксберг, где меня встречали флагом США и плакатом с надписью: «С возвращением, Джон!» Я похудел килограммов на пятнадцать. Увидев меня осунувшимся, в инвалидном кресле, мои дочери Эрика и Лорен так расстроились, что еще долгие годы спустя не хотели опускать меня в очередную командировку.

Рождество выдалось невеселым. Я почти не виделся с друзьями и общался только с Роном Уокером, Блейном Макилуэйном, Биллом Хагмайером и еще одним агентом из Куантико, Джимом Хорном. Я уже мог обойтись без коляски, но передвигался по-прежнему с трудом. Беседы отнимали у меня много сил. Глаза постоянно были на мокром месте, а память то и дело отказывала. Когда

Пэм или отец катали меня по Фредериксбергу и мы натыкались на какое-нибудь здание, я не мог с точностью вспомнить, новое оно или старое. Я превратился в классическую жертву инсульта и мог только гадать, сумею ли вернуться к работе.

В том, через что мне пришлось пройти, я винил только Бюро. Еще в феврале прошлого года я разговаривал с заместителем директора Джимом Маккензи. Я предупредил, что не смогу и дальше функционировать в таком режиме, и попросил выделить помощников.

Маккензи от души мне сочувствовал, но был реалистом.

– Ты ведь знаешь, как тут все устроено, – пожал он плечами. – Надо уработаться насмерть, прежде чем тебе соберутся помочь.

Мне постоянно казалось, что мое рвение не только не поддерживают, но и не ценят. Однако меня ценили, да еще как. В прошлом году, когда я надрывался над делом детоубийцы из Атланты, Бюро объявило мне официальный выговор в связи с интервью, опубликованным в газете сразу после задержания Уэйна Уильямса. На вопрос журналиста о том, подходит ли этот подозреваемый на роль преступника, я ответил, что он «неплохо вписывается», а если постараться, то подойдет и по меньшей мере к нескольким другим делам.

И хотя ФБР само просило меня дать интервью, я же потом оказался крайним: мол, неподобающим образом комментирую еще не закрытые дела. Якобы меня предупреждали об этом еще пару месяцев назад, когда я давал интервью журналу «Пипл». Как типично для правительственных бюрократов! В штабе Бюро в Вашингтоне меня благополучно отчитали в отделе персональной ответственности, а спустя шесть месяцев бюрократической суеты официально вручили письмо о взыскании. Позже за то же дело я получил похвальную грамоту, но поначалу выволочка служила единственной благодарностью Бюро за помощь в раскрытии «преступления века», как его окрестила пресса.

Почти ни с кем, даже с женой, нельзя поделиться тем, что составляет работу сотрудника правоохранительных органов. Не очень-то хочется тащить в дом истории о том, как днями напролет рассматриваешь изуродованные трупы, среди которых попадаются и дети. За ужином не принято говорить: «Сегодня попалось интересненькое убийство на почве сексуального садизма. Сейчас

расскажу». Вот почему копов нередко тянет к медсестрам и наоборот: в каком-то плане ремесло у них похожее, и они могут понять друг друга.

И даже прогуливаясь по парку или лесу, скажем, со своими девочками, я замечаю похожие детали и думаю: «Прямо точь-в-точь как там, где мы нашли ту восьмилетку». И сколько бы я ни дрожал за безопасность дочерей, навидавшись в жизни всяких ужасов, порой мне бывает трудно воспринимать всерьез незначительные, хоть и крайне важные шишки и ссадины, неизбежные в детстве. Иной раз я возвращаюсь домой, и Пэм рассказывает, что одна из девочек свалилась с велосипеда и теперь рану придется зашивать, а в памяти у меня вспыхивает образ другой девочки, сверстницы моей дочери, и все те швы, которые пришлось наложить патологоанатому, чтобы подготовить тело к похоронам.

У Пэм был свой круг друзей, местных активистов, но меня они мало интересовали. Кроме того, из-за моих постоянных командировок львиная доля домашних хлопот – воспитание детей, счета, уборка – лежала на плечах жены. И это лишь малая часть проблем, раздиравших тогда нашу семью. Не сомневаюсь, что по меньшей мере старшая дочь, Эрика, чувствовала повисшее в доме напряжение.

Меня никак не отпускала обида на Бюро и его порядки за то, что со мной случилось. Месяц спустя после возвращения домой я сидел на заднем дворе и сжигал опавшие листья. Повинуясь импульсу, я зашел в дом, собрал все копии психологических портретов и написанные мной статьи, вынес их наружу и швырнул в огонь. Избавившись от целой кипы макулатуры, я получил хорошую эмоциональную разрядку.

Еще несколько недель спустя, когда я снова смог водить машину, я решил отправиться на Национальное кладбище Куантико, чтобы посмотреть, где мне предстояло быть похороненным. Могилы там расположены по датам смерти, так что, умри я первого или второго декабря, мне досталось бы самое неприятное место: моей соседкой стала бы совсем юная девушка, которую зарезали по пути домой неподалеку нас. Я как раз занимался ее делом, и виновного до сих пор не нашли. Предаваясь размышлениям на ее могиле, я вспомнил, сколько раз сам советовал полиции установить наблюдение за кладбищами, не сомневаясь, что убийца захочет навестить свою жертву. Забавно, если по подозрению в том преступлении схватят и меня.

С момента инсульта, настигшего меня в Сиэтле, прошло уже четыре месяца, но я по-прежнему сидел на больничном. Состояние усугубилось тромбами, образовавшимися в ногах и легких из-за продолжительного постельного режима, и каждый день жизни давался мне с огромным трудом. Я по-прежнему не знал, смогу ли вообще работать, а если смогу, сохраню ли уверенность в себе. А тем временем Рой Хейзелвуд из числа инструкторов отдела поведенческого анализа по совместительству взвалил на себя все мои незакрытые дела.

В Куантико я наведалься только в апреле 1984 года, выступив с лекцией перед пятьюдесятью действующими профайлерами региональных отделений ФБР. Ноги у меня все еще отекали из-за тромбов, и в аудитории я появился в домашних тапочках. Агенты из разных уголков страны встретили меня стоячей овацией. Спонтанность порыва подтверждала их искреннее восхищение: эти люди лучше всех понимали, чем я занимался и какие методы всеми силами старался внедрить в Бюро. Впервые за много месяцев меня оценили и одобрили. И я почувствовал себя как дома.

Через месяц я вернулся на службу.

Глава 1. Мысли как убийца

Поставь себя на место охотника.

Именно так я и работаю. Вспомните фильмы о дикой природе: вот лев на просторах Серенгети в Африке. Он следит за огромным стадом антилоп на водопое. Но каким-то образом – мы видим по глазам – он выбирает одну из тысячи. Он выработал в себе умение чутко чувствовать слабость, уязвимость, нечто такое, что делает единственную антилопу из всего стада его будущей добычей.

То же самое и с хищниками среди людей. Я становлюсь одним из них, каждый день я охочусь, выслеживаю жертву, выжидаю удобный момент. К примеру, вот я в торговом центре. Здесь бродят тысячи людей. Я направляюсь к игровым автоматам и, оглядывая полсотни ребят, должен превратиться в охотника, в тонкого психолога, угадать, кто из пятидесяти с лишним детей самый уязвимый, кому быть жертвой. Нужно смотреть, как ребенок одет. Уметь подмечать внешние невербальные признаки. И делать это в мгновение ока, как настоящий

профессионал. Выбрав цель, я начинаю действовать. Я должен точно знать, каким образом можно тихо, без лишнего шума и не привлекая внимания, вывести ребенка из торгового центра, пока его родители отовариваются двумя этажами ниже. Я не имею права на ошибку.

Таких людей подстегивает возбуждение охотника. В момент выбора жертвы у них по коже словно пробегает легкий гальванический разряд. Думаю, лев в дикой природе испытывает примерно то же самое. При этом не имеет никакого значения, говорим мы о тех преступниках, кто выбирает только детей, юных девушек, стариков, проституток и так далее, или о тех, у кого нет определенных предпочтений. В каком-то смысле все они одинаковы.

Но есть между ними и отличия, и подсказки, которые охотник оставляет на месте преступления, ведут нас к особенностям его характера. Именно благодаря им у нас в руках появилось новое оружие для интерпретации отдельных преступлений против личности, а также для поиска, ареста и наказания виновных. Большую часть своей профессиональной карьеры в качестве спец-агента ФБР я посвятил разработке этого оружия, о нем и рассказывает книга. Каждое без исключений жестокое преступление в истории человечества порождает главный вопрос, который не дает нам покоя: что за человек способен на такое? Ответ на него мы, сотрудники отдела следственного сопровождения ФБР, и пытаемся дать, применяя инструментарий психологических портретов и анализа места преступления.

Поведение – это зеркало личности.

Не всегда легко и уж точно всегда неприятно влезать в шкуру убийцы – или, если угодно, мыслить, как он. Но такая у нас работа. Мы должны попытаться прочувствовать каждого из них.

Любая деталь на месте преступления что-нибудь говорит о субъекте – так на полицейском жаргоне называют неизвестного подозреваемого, – совершившем правонарушение. Анализируя максимально возможное число преступлений и общаясь с экспертами – то есть с самими преступниками, – мы учимся интерпретировать оставленные ими следы точно так же, как врачи определяют болезнь и ставят диагноз по симптомам. И, подобно медику, который на основе прошлого опыта опознает заболевание по его проявлениям, мы делаем выводы на основании того или иного набора признаков.

Однажды в начале 1980-х, когда в рамках полевого исследования я активно опрашивал осужденных убийц, мне довелось оказаться в старинной каменной тюрьме в готическом стиле, где находится государственная исправительная колония штата Мэриленд в Балтиморе. Я сидел в кругу жестоких преступников, и каждый из них был по-своему уникален: убийца полицейского, детоубийца, наркодилеры, громилы, – но меня больше всего интересовали насильники-душегубы, а точнее, их *modus operandi*[4 - Образ действия (лат.)], поэтому я решил спросить, нет ли здесь подходящего объекта для изучения.

– Ага, Чарли Дэвис, – ответил один из заключенных.

Правда, остальные сошлись на том, что он вряд ли станет разговаривать с федералом. Один из заключенных отправился поискать Чарли во дворе. Ко всеобщему удивлению, Дэвис, движимый скорее любопытством и скукой, нежели желанием помочь, вскоре присоединился к нам и сел в круг. В полевых исследованиях нам часто играло на руку, что заключенные располагают целой кучей свободного времени и не знают, чем заняться.

Обычно при проведении тюремных интервью – и так повелось с самого начала – мы стараемся заранее выяснить о субъекте как можно больше. Мы изучаем отчеты полиции, фотографии с места преступления, записи со вскрытия, стенограммы допросов – словом, все, что может пролить свет на личность преступника. Кроме того, так мы получаем гарантию, что он говорит начистоту, а не играет с нами в игры ради собственного развлечения. Но тогда, признаюсь, я пришел неподготовленный, и мне пришлось импровизировать.

Дэвис оказался дюжим громилкой под два метра ростом, немного за тридцать, гладко выбритым и аккуратно подстриженным. Я начал с того, что признался:

– Ты застал меня врасплох, Чарли. Я даже не в курсе, за что ты сидишь.

– За убийство пятерых человек, – ответил он.

Я попросил его рассказать о месте преступления и о том, что он сделал со своими жертвами. Оказалось, что Дэвис на полставки работал водителем скорой. Он задушил женщину, спрятал труп у дороги на вверенной ему территории, сделал анонимный звонок, сам же на него ответил и забрал тело. Когда он клал жертву на каталку, никто из сотрудников скорой и не догадывался, что убийца

совсем рядом, среди них. Больше всего Дэвиса завело именно чувство полного контроля над ситуацией, собственная хитрая «режиссура» наполнила его невероятным возбуждением. Подобные примеры, раскрывающие возможные техники исполнения преступлений, бесценны для нас.

Удушение же означало, что убийство было спонтанным. Поначалу-то Чарли интересовало изнасилование.

Я сказал ему:

– Из тебя вышел бы отличный суровый коп. Тебе понравилось бы работать в полиции, обладать властью. А вместо этого ты взялся за дурацкую работенку, не достойную твоих способностей.

Рассмеявшись, он признался, что его отец был лейтенантом полиции.

Я попросил Дэвиса описать привычный ему образ действия: скажем, он преследует молодую женщину до парковки у ресторана. Благодаря связям отца с легкостью выясняет ее личные данные по номеру машины. Потом звонит в ресторан и сообщает, что она оставила фары включенными. Вот женщина выходит, и тут он ее хватает, заталкивает в свою или ее машину, пристегивает наручниками и увозит.

О каждом из пяти убийств он рассказывал строго по порядку, будто смакуя воспоминания. Добравшись до последней жертвы, убийца отметил одну деталь, на которую только сейчас обратил внимание: он закрыл девушке лицо.

На этом моменте я его прервал:

– Чарли, вот что я тебе скажу. У тебя проблемы с женщинами. Когда ты совершил первое убийство, с деньгами у тебя было туговато. Неудивительно, что парень далеко за двадцать, выполняющий недостойную его работу, будет злиться на жизнь и чувствовать, что попусту ее прожигает.

Он нехотя кивнул. Что ж, пока неплохо. Хотя я не сказал ничего такого, о чем нельзя было бы догадаться.

- Ты слишком много пил, - продолжал я, - наделал долгов. Постоянно ссорился со своей женщиной. - Он не говорил мне, что жил с кем-то, но я почти не сомневался. - А по ночам, когда совсем прижимало, ты выходил на охоту. Конечно, охотиться на собственную подружку как-то не с руки, и ты выплескивал накопившееся на других.

По невербальным признакам я видел, как он открывается. Я располагал весьма скудной информацией, но решил продолжать:

- Но последнюю жертву ты прикончил намного нежнее. Она не такая. Ты позволил ей одеться, после того как изнасиловал ее. Ты закрыл ей лицо, чего не делал с предыдущими четырьмя. В отличие от тех случаев, последнее убийство не принесло тебе удовольствия.

Когда объект анализа начинает слушать тебя во все уши, становится ясно, что он на крючке. Этому трюку я научился на бесчисленных интервью в тюрьмах и раз за разом применял его на допросах. Я видел, что полностью завладел вниманием Чарли.

- Она сказала тебе нечто такое, из-за чего тебе расхотелось ее убивать, но ты все равно это сделал.

Внезапно Дэвис покраснел как рак и будто погрузился в транс. По его глазам я видел, что мыслями он вернулся к тому дню. Наконец он робко признался, что у мужа той женщины были проблемы со здоровьем и что она за него сильно переживала. Он тяжело болел, едва ли не лежал при смерти. Блефовала жертва или нет, я не знаю и вряд ли смогу выяснить. Но на Дэвиса ее слова явно произвели сильное впечатление.

- Я не прятал лицо, - пояснил он. - Она могла меня узнать, так что ее все равно пришлось убить.

Немного погодя я спросил:

- Ты ведь что-то у нее забрал, верно?

Чарли снова кивнул, подтвердив, что забрал из кошелька рождественскую фотографию ее семьи: жертва, муж и ребенок.

Хотя я никогда раньше не встречался с Дэвисом, у меня уже начало складываться о нем определенное впечатление. Я добавил:

- И на кладбище ты тоже был, да, Чарли?

Судя по краске, красноречиво залившей лицо, насильник отслеживал все новости по делу об убийстве и знал, где похоронили жертву.

- Ты отправился туда, потому что испытывал угрызения совести. Но на могилу ты пришел не с пустыми руками.

Прочие заключенные хранили молчание, жадно слушая. Они никогда не видели Дэвиса в таком состоянии. Я настойчиво повторил:

- Ты что-то принес на могилу. Что именно, Чарли? То фото?

Он только кивнул и бессильно уронил голову.

Ловкость рук и никакого мошенничества, хотя остальные сочли бы мой фокус сущим колдовством. Ясное дело, я лишь высказывал догадки, но они строились на квалификации, исследованиях и практическом опыте, который мы с коллегами успели накопить и продолжали кропотливо собирать. Например, мы выяснили, что старая быль об убийцах, приходящих на могилу своей жертвы, чаще всего оказывается явью, но по ряду причин это происходит не всегда.

Поведение – зеркало личности.

Причина, по которой наша работа просто необходима, состоит в изменчивой природе самой преступности. Мы все наслышаны об убийствах на почве наркотиков, чумой накрывших чуть ли не каждый город. О перестрелках, ставших столь обыденным проявлением национального позора. И все же бо?льшая часть преступлений, особенно совершенных с особой жестокостью, раньше случалась между людьми, так или иначе знакомыми друг с другом.

Теперь картина меняется. В каких-то 1960-х раскрываемость убийств в США переваливала за 90 %. Но и эта цифра более не актуальна. Сегодня, несмотря на впечатляющий прогресс в науке и технике, несмотря на приход компьютерной эры, несмотря на рост числа полицейских, качества и глубины их подготовки и оснащения, число убийств продолжает расти, а их раскрываемость – падать. Все больше преступлений совершается в отношении незнакомцев, и в большинстве случаев для них нет никакого очевидного или хотя бы логичного мотива.

Ранее правоохранительные органы относительно легко раскрывали большинство убийств и других насильственных преступлений. Они являлись следствием и выражением вполне обыденных эмоций, достигших апогея: злости, жадности, зависти, жажды наживы или возмездия. Как только эмоциональный мотив был удовлетворен, порыв к насилию угасал и дальше не распространялся. Да, жертва обязательно была, но полиция имела точное представление, кого или что надо искать.

Но в последние годы преступления против личности все чаще проявляются в новом обличье. Они становятся продолжающимися. Серийные преступники не останавливаются, пока их не поймают; они учатся, становятся все опытнее и опаснее, непрерывно совершенствуя свои тактики и подходы от одного эпизода к другому. Слово «проявляются» я использовал не случайно; конечно, такие преступления известны еще со времен грозы Лондона эпохи 1880-х Джека-потрошителя, который считается первым в современной истории серийным убийцей. Кстати, по причинам, которые я укажу позже, серийными убийцами почти всегда становятся мужчины.

Однако феномен серийных убийств может быть куда старше, чем мы себе представляем. Сохранившиеся по сей день истории и легенды о ведьмах, оборотнях и вампирах – это не более чем попытка объяснить жестокие, извращенные акты насилия, которые в маленьких сплоченных поселениях Европы или ранней Америки никто был не в силах объяснить, хотя сегодня они воспринимаются как нечто обыденное. А тогда считалось, что чудовищем может быть только сверхъестественное создание, но никак не обычный человек.

Из всех жестоких преступников самыми отталкивающими, хитрыми и приводящими в замешательство личностями обладают именно серийные убийцы и насильники. В свою очередь, это связано с тем, что в основе их мотивов лежат куда более сложные факторы, чем те примитивные устремления, которые мы отметили ранее. Уже поэтому их образ действий может изрядно сбивать с толку,

да и вообще отсекает банальные переживания вроде сочувствия, вины или угрызений совести.

Порой единственный способ изловить маньяков – это научиться думать, как они.

Не пугайтесь, что я раскрою строго охраняемые секреты полицейского расследования и дам в руки будущим преступникам руководство к действию. В книге речь пойдет только о том, как мы разработали поведенческий подход к составлению психологического портрета преступника, об анализе преступлений и стратегии обвинения, но и здесь я при всем желании не смогу составить практическое руководство или учебное пособие для новичков. Во-первых, у нас уходит целых два года на то, чтобы обучить уже опытных, матерых агентов, отобранных для стажировки в нашем отделе. А во-вторых, вне зависимости от того, насколько преступник убежден в собственной осведомленности, чем больше он старается избежать поимки или сбить нас со следа, тем больше дает материала – поведенческих улик – для нашей работы.

Как говорил сэр Артур Конан Дойл устами Шерлока Холмса много десятилетий назад: «В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины»[5 - Перевод М. Бессараб.]. Иными словами, чем больше информации о поведении субъекта у нас есть, тем более полный психологический портрет и его анализ мы сможем предоставить полиции. А чем полнее психологический портрет, тем больше следователи смогут сузить круг подозреваемых и сконцентрироваться на поимке настоящего преступника.

Отсюда вытекает еще одна оговорка по поводу нашей работы. Сотрудники отдела следственного сопровождения, который находится в Куантико и входит в Национальный центр ФБР по анализу преступлений против личности, не занимаются поимкой преступников. Повторюсь: мы не ловим преступников. Это работа местной полиции, и если вспомнить, под каким давлением она находится, ребята справляются на ура. Мы же оказываем им поддержку в выделении круга подозреваемых, а также предлагаем упреждающие меры, с помощью которых можно выкурить преступника из норы. Когда же он пойман – подчеркну: ими, а не нами, – мы стараемся наметить стратегию для обвинителя по выявлению истинной сущности ответчика во время судебных разбирательств.

Тут нам помогают исследования и весьма особый практический опыт. К примеру, если какое-нибудь местное отделение полиции на Среднем Западе впервые в

своей практике столкнется с ужасами расследования серийного убийства, у нас на счету схожих дел уже сотни, если не тысячи. Я всегда говорю своим агентам: «Хочешь понять художника – присмотри к его картинам». За долгие годы работы мы видели невероятное множество «картин» и неоднократно беседовали почти со всеми «искусными художниками».

В конце 1970-х – начале 1980-х мы начали методично развивать деятельность отдела поведенческого анализа ФБР, который позже превратился в отдел следственного сопровождения. Хотя большинство книг, драматизирующих и прославляющих наше призвание (например, известное произведение Тома Харриса «Молчание ягнят»), отличаются склонностью к причудливым выдумкам, наше прошлое действительно восходит скорее к научно-преступной фантастике, нежели к практике. Еще совсем зеленый детектив С. Огюст Дюпен, герой классического произведения 1841 года Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг», на самом деле был первым в истории профайлером – поведенческим экспертом. Сюжет также отражает первое применение профайлером упреждающих мер с целью выкурить субъекта и оправдать невинного человека, несправедливо арестованного за убийство.

Как и теперь, почти сто пятьдесят лет спустя, мои коллеги по отделу, По отдавал себе отчет в важности составления психологического портрета, ведь иногда для разрешения особенно жестокого и, как может показаться, не имеющего мотива убийства мало одних только улик с места преступления и результатов вскрытия. «За отсутствием других возможностей, – писал он, – аналитик старается проникнуть в мысли противника, ставит себя на его место и нередко с одного взгляда замечает ту единственную (и порой до очевидности простую) комбинацию, которая может вовлечь его в просчет или сбить с толку»[6 - Перевод Р. Гальпериной.].

Стоит отметить и другое небольшое сходство. Мсье Дюпен предпочитал работать в одиночку, запершись у себя в комнате, плотно завесив шторами окна, тем самым защищаясь от солнечного света и вторжений извне. У нас с коллегами изначально не было такой необходимости. Наше рабочее пространство в Академии ФБР в Ку-антико уходит на несколько этажей под землю, и в нем нет ни одного окна. Изначально оно проектировалось как безопасная штаб-квартира для федеральных правоохранительных властей на случай национальной катастрофы. Иногда мы в шутку называем себя Национальным подвалом по анализу преступлений против личности. Находясь почти на двадцать метров под землей, мы, пожалуй, закопаны в десять раз

глубже, чем мертвецы.

Один из пионеров профайлинга, английский драматург Уилки Коллинз, раскрывал его основные принципы в своих романах «Женщина в белом» (основанном на реальных событиях) и «Лунный камень». Но именно бессмертное творение сэра Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе явило миру новую форму криминального анализа в атмосфере мрачного, освещенного газовыми фонарями викторианского Лондона. Сравнение с легендарным сыщиком было бы высшей похвалой для любого из нас. Несколько лет назад, когда я работал в Миссури над очередным убийством, заголовок местной газеты «Сен-Луис глоуб-демократ» окрестил меня «современным Шерлоком из ФБР», что стало для меня большой честью.

Интересно отметить, что именно в тот момент, когда Шерлок Холмс распутывал клубки сложнейших дел на страницах книг, в реальном мире Джек-потрошитель без устали убивал проституток в лондонском Ист-Энде. Эти двое, находящиеся по разные стороны не только закона, но и реальности, так плотно завладели вниманием публики, что во многих «современных» историях о Шерлоке, написанных его почитателями, детектив снова возвращается к расследованию так и не раскрытых убийств в Уайтчепеле.

В 1988 году меня пригласили на телевидение с просьбой проанализировать психотип Джека-потрошителя. О своих заключениях по поводу самого знаменитого субъекта в истории я расскажу далее на страницах этой книги.

Поведенческий профайлинг сошел со страниц литературных произведений в реальную жизнь лишь спустя более века после «Улицы Морг» По и более полувека после «Приключений Шерлока Холмса». В середине 1950-х Нью-Йорк продолжал сотрясаться от взрывов, подготовленных «маньяком-подрывником» [7 - Прозвище Джорджа Метески, терроризировавшего Нью-Йорк взрывами в течение почти 15 лет. Его арестовали в 1957 году, на суде признали невменяемым и отправили на принудительное лечение.]. За пятнадцать лет, что он оставался на свободе, «подрывник» заложил более тридцати бомб. Его целями становились такие места массового скопления, как железнодорожные станции Гранд-Централ и Пенсильвания, концертный зал «Радио-сити». Тогда я, еще совсем ребенок, жил в Бруклине и отлично помню то дело.

В конце концов в 1957 году полиция обратилась к психиатру из Гринвич-Виллидж – доктору Джеймсу А. Брус-селу, который изучал фотографии с мест

взрывов и тщательно анализировал издевательские письма «подрывника», публикуемые в газетах. На основе общей модели поведения преступника он пришел к ряду существенно важных выводов и определил, что тот является параноиком, ненавидит отца, одержим любовью к матери и живет в одном из городов штата Коннектикут. В заключение психологического портрета доктор Бруссел писал: «Ищите грузного мужчину средних лет иностранной наружности. Он римский католик. Одинокий. Живет с братом или сестрой. Когда вы его найдете, с определенной вероятностью на нем будет двубортный костюм, застегнутый на все пуговицы».

По отсылкам из некоторых писем следовало, что «подрывник», скорее всего, обозлившийся нынешний или бывший сотрудник энергетической компании «Консолидейтед Эдисон». Сопоставив психологический портрет с кругом лиц, связанных с данной компанией, полиция наткнулась на имя Джорджа Метески. Оказалось, что тот действительно работал в «КонЭд» в 1940-х, еще до начала взрывов. Однажды вечером полиция наведальась в его дом в городке Уотербери, штат Коннектикут, и действительно обнаружила на месте грузного, одинокого, римского католика-иностранца средних лет. Единственное отличие от психологического портрета состояло в том, что он жил не с братом или сестрой, а с двумя незамужними сестрами. Когда же полицейский попросил подозреваемого одеться и проехать с ними в участок, тот через несколько минут вышел из спальни в двубортном костюме, застегнутым на все пуговицы.

Объясняя, как ему удалось достичь такой сверхъестественной точности в своих выводах, доктор Бруссел отметил, что психиатр обычно обследует пациента и лишь потом пытается сделать логичные умозаключения относительно того, как тот поведет себя в той или иной ситуации. Разрабатывая психологический портрет Метески, доктор поступил с точностью наоборот, то есть попытался представить себе индивида, руководствуясь его действиями.

По прошествии более сорока лет дело «маньяка-подрывника» кажется нам совсем простым. Но тогда оно стало ключевой вехой в науке, получившей впоследствии название криминального психоанализа (поведенческого анализа) и ставшей важной частью современной криминалистики. Ну а светилем этой науки стал, конечно, доктор Бруссел, позже работавший с полицией Бостона по делу «бостонского душителя»[8 - Альберт де Сальво - американский серийный убийца, задушивший 13 женщин в Бостоне в период с 1962 по 1964 год.].

Прием, который используют выдуманные Дюпен и Холмс, а также настоящий Бруссел и его последователи, часто называют дедукцией, однако на самом деле он ближе к индукции, то есть наблюдению за частными элементами явления и составлению общих заключений на их основе. Когда я пришел в академию в 1977 году, инструкторы отдела поведенческого анализа, включая его пионера Говарда Тетена, только начинали применять идеи доктора Бруссела на занятиях с профессионалами сыска. На тот момент метод выглядел скорее анекдотом и не подкреплялся годами исследований. Когда я начал заниматься наукой профайлинга, она пребывала в зачаточном состоянии.

Я уже отмечал, насколько важно для нас уметь влезать в шкуру и разум неизвестного убийцы. В процессе исследований и накопления опыта мы обнаружили, что не менее важно, сколь бы страшно и болезненно это ни было, уметь посмотреть на дело и глазами жертвы. Только в том случае, если мы хорошо понимаем, каковой могла быть реакция жертвы на те ужасы, что с ней происходили, мы сможем составить наиболее полное представление о поведении самого преступника.

Хочешь понять преступника – присмотришься к его деяниям.

В начале 1980-х полиция из сельского городка в Джорджии обратилась ко мне с делом, поразившим меня до глубины души. Молодую девчонку, четырнадцатилетнюю мажоретку средней школы, похитили среди бела дня на автобусной остановке всего метрах в ста от дома. Несколько дней спустя ее полураздетое тело обнаружили в десяти милях оттуда, в облюбованном парочками укромном месте, скрытом деревьями. Она была изнасилована и скончалась от удара тупым предметом по голове. Рядом лежал увесистый, со следами запекшейся крови булыжник.

Прежде чем приступить к анализу, я постарался узнать о жертве как можно больше. Милая и симпатичная, в свои четырнадцать она и выглядела ровно на четырнадцать, а не на двадцать один, как иногда бывает. Все, кто знал девочку, как один, утверждали, что она не была склонна к неразборчивым связям и осторожно относилась к флирту, ни разу не притрагивалась ни к наркотикам, ни к алкоголю, да и вообще всегда была со всеми приветливой и дружелюбной. Вскрытие показало наличие девственности до изнасилования.

Для меня подобная информация была критически важна, поскольку, руководствуясь ею, я смог прикинуть, как она отреагировала на похищение, как

вела себя в процессе и, следовательно, как преступник обращался с ней во время совершения акта насилия. Из этого я сделал вывод, что убийство не было запланированным. Насильник запаниковал, удивившись, что жертва не встретила его с распростертыми объятиями. В свою очередь, этот вывод приблизил меня к пониманию натуры преступника, и по моей наводке полиция выделила одного мужчину, который проходил подозреваемым в изнасиловании, совершенном годом ранее в соседнем городе. Понимание особенностей жертвы также помогло мне составить для полиции стратегию допроса этого весьма незаурядного субъекта, который, как я и предполагал, без труда обманул детектор лжи. Это весьма интересное и трогательное дело мы обсудим в деталях чуть позже. А пока удовольствуемся тем, что субъект сознался и в убийстве, и в совершенном ранее изнасиловании. Впоследствии он был осужден, а на момент издания этой книги казнен в тюрьме штата Джорджия.

Когда мы в Национальной академии преподаем агентам ФБР и профессионалам правоохранительных служб основы криминального психоанализа и анализа места преступления, мы стараемся научить их представлять себе всю историю преступления целиком. Мой коллега Рой Хейзелвуд, который уволился из Бюро в 1993 году, а до этого несколько лет вел начальный курс профайлинга, разделял анализ на три ключевых вопроса, или фазы: «что», «почему» и «кто».

Что произошло? Вопрос включает все то, что может быть значимо для понимания моделей поведения.

Почему это произошло именно так, а не иначе? Почему, например, над трупом надругались после смерти? Почему не украли ничего ценного? Почему в дом вошли, а не вломились? Каковы причины каждого фактора данного преступления, существенного с точки зрения поведения?

А из этого вытекает последний вопрос: кто мог бы совершить преступление по этим причинам?

Наша задача – ответить на эти вопросы.

Глава 2. Моя мать – Холмс

Девичья фамилия моей матери действительно Холмс, и с легкой подачи моих родителей я едва не унаследовал ее в качестве второго имени вместо более прозаичного «Эдвард».

Оглядываясь назад, скажу, что, кроме этого, мало что в моем детстве намекало на светлое будущее охотника за разумом, или криминального профайлера.

Я родился в Бруклине, Нью-Йорк, неподалеку от Квинса. Мой отец, Джек, работал наборщиком в «Бруклин игл». Когда мне исполнилось восемь, папа, обеспокоенный ростом преступности, решил перевезти нас в Хемпстед, Лонг-Айленд, где стал председателем Лонг-айлендского союза печатников. Еще у меня есть сестра, Арлин, на четыре года старше меня. Она всегда была гордостью нашей семьи – как в учебе, так и в спорте.

Сам я не блистал, перебиваясь с тройки на четверку, но, несмотря на весьма средненькие успехи в учебе, всегда был вежливым, легким в общении и пользовался вниманием учителей Ладлэмской начальной школы. Больше всего меня занимали животные, вот почему в разное время у меня обитали собаки, кошки, кролики, хомяки и змеи. Всех этих тварей мама терпела исключительно потому, что я хотел стать ветеринаром. Поскольку начинание обещало вполне законную карьеру, она всячески поддерживала меня.

В школьные годы я проявил недюжинное умение сочинять сказки, что сыграло свою роль в моем становлении в качестве сыщика. Сыщики и криминальные аналитики должны уметь слепить целостную картину из разрозненных и кажущихся несвязанными фактов, вот почему талант рассказчика крайне важен, в особенности при расследовании убийств, когда сама жертва не может ни о чем поведать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод П. Гнедича. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Профайл – психологический портрет преступника.

3

Seagull – чайка (англ.) созвучно фамилии Siegal.

4

Образ действия (лат.).

5

Перевод М. Бессараб.

6

Перевод Р. Гальпериной.

7

Прозвище Джорджа Метески, терроризировавшего Нью-Йорк взрывами в течение почти 15 лет. Его арестовали в 1957 году, на суде признали невменяемым и отправили на принудительное лечение.

8

Альберт де Сальво – американский серийный убийца, задушивший 13 женщин в Бостоне в период с 1962 по 1964 год.

Купить: https://tellnovel.com/olsheyker_dzhon/ohotnik-za-razumom-osobyu-otdel-fbr-po-rassledovaniyu-seriynyh-ubiystv

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)